

Энн Гейл

БЛАГОДАТЬ БЕЗ БОГА

1

Время приближалось к полуночи. Я уже собирался под бочок к своей старушке, но не успел. Так уже бывало не раз — резкий звонок телефона, и вызов на место преступления.

Смерть собирает свою жатву в любое время, но особенно любит делать это ночью, когда вокруг темно, тихо, умиротворяюще-спокойно и ничто вроде бы не предвещает беды. И жертв своих смерть на наш людской взгляд часто выбирает нелогично — нет бы забрать всем давно надоевшего пьяницу или страдальца, мучающегося от тяжелой болезни, но нет, Госпожа Смерть преподносит сюрпризы. Сегодня она решила поживиться знаменитой красавицей — фотомodelью Хейвен Дейли.

Мне сказали, что возможно это самоубийство, но я только усмехнулся про себя. Как же, станет кончать с собой успешная редкой красоты женщина, любимица капризного и непостоянного Лондона, которая к тому же собиралась в ближайшее время стать женой Дэвида Элленби, одного из самых завидных лондонских женихов

(после рок-звезд, конечно!), сына distinguished сэра Артура Элленби, медиа-магната. Когда жизнь так щедра и великодушна к тебе, не кончают самоубийством.

Дело было вполне в моем вкусе. Как любит говорить комиссар Кларк «твой любимый божественный террариум, Эйвери». Сам комиссар творческую публику недолюбливал, считал людьми пустыми и несерьезными, а потому склонными к разного рода авантюрам, от которых один шаг до преступления. Я не был столь категоричен.

Эти люди создают образ, к которому мы стремимся, определяют наше мировоззрение, не жестко, как политики, а ненавязчиво, вкрадчиво, и от того более действенно. Они воздействуют на наши души своим искусством, если речь идет о музыкантах, писателях или актерах. Или же красотой — как люди из мира моды. Погибла молодая женщина, которая тоже принадлежала к людям искусства. А талант ее заключался в исключительной красоте, женственности и грациозности.

Мне, к примеру, всегда казалось, что искусство делает для цивилизации куда больше науки. Наука двигает вперед материальный прогресс. Искусство — духовный. А духовное обогащение всегда превышает все.

За мыслями я не заметил, как добрался со своей окраинной Пэкхем-роуд до фешенебельного Итон-сквер, где с балкона своего роскошного дуплекса упала прекрасная фотомоделль с небесным именем.

У парадного входа маячила долговязая фигура констебля Питерса, машина коронера была здесь же. А сам он стоял и курил чуть поодаль от тела, которое еще не было убрано. Ждали меня.

Девушка лежала на спине, раскинув руки, как будто собиралась улететь. Чудесное белокурое создание в легком шифоновом наряде цвета небесной лазури. Совершенную мраморную красоту ее лица не смогла осквернить даже такая мастерица уродовать и коверкать, как смерть.

Будто прочитав мои мысли, коронер выпустил колючку дыма и грустно произнес:

— Очень красивая, правда? Жаль, когда погибает такая красота...

— Да, Чарли. Но ничего не поделаешь. Она погибла, а нам снова не спать, толком не есть и измотать себе все нервы пока узнаем, кто преждевременно отправил на тот свет это дивное существо. Ведь она же не сама, я прав?

— Абсолютно, Кит. Ее выбросили с балкона. Если человек прыгает сам, тело все равно как-то группируется перед падением, срабатывает последний проблеск инстинкта самосохранения.

Здесь же тело свободно плашмя грохнулось вниз, как манекен. То есть, падала она уже в бессознательном состоянии. Это же подтверждает характер повреждений на голове жертвы. Дело в том, что когда человек падет с высоты более 10 м плашмя, всегда повреждена больше та часть тела и головы, которая первой соприкоснулась с поверхностью. У нашей красавицы — это левая часть. Но... на правой части головы имеется повреждение, скорее всего, от удара чем-то тяжелым. Ты понимаешь, Кит, я сделал лишь первичный осмотр, более подробно скажу после вскрытия. Но то, что она не самоубийца — это сто процентов.

— Спасибо, Чарли. Ты уже сказал много. Можете забирать тело, а я пойду побеседую со свидетелями.

Коронер сделал последнюю затяжку и усмехнулся.

— Янг примчался первый, наверное, уже начал опрашивать собравшихся. Усердный парень, может из него выйдет толк.

Я прошел мимо вытянувшегося по струнке Питерса, и оказался в роскошном мраморно-зеркальном холле. Бесшумный лифт почти мгновенно поднял меня на верхний этаж. Уже выходя из него, я услышал голос моего сержанта.

Когда я вошел в квартиру, Вилли как раз громко и с нажимом пояснял длинноволосому парню в атласной рубашке, почему нужно дождаться инспектора и не обязательно звонить менеджеру. Увидев меня, он облегченно просиял.

— Инспектор, здесь вот музыканты из группы, которых пригласили играть на вечеринке у погибшей... Они хотят уйти, говорят, что все равно ничего не видели и не знают... Вот этот... их солист... требует их отпустить или позвонить менеджеру...

Янг кивнул на длинноволосого, который с вызовом уставился на меня. У него был вид человека, которому все нипочем, и ничем его не проймешь.

— Сержант Янг, возьмите у господ музыкантов их контактные данные и отпустите.

Я прошел в просторную гостиную, которая была обставлена по последней богемной моде — смесь изысканного римского палаццо с роскошью восточного сераля. Все гости трагически закончившейся вечеринки находились там. Они о чем-то переговаривались — тихо, как будто с опаской, или из почтения к умершей подруге, или же из-за банального страха быть услышанными. Например, мной. Когда я вошел, они как по команде затихли.

— Дамы и господа, меня зовут Кит Эйвери, я старший инспектор Скотленд-Ярда. Спасибо вам за терпение, сейчас мы побеседуем с вами о случившемся и отпустим домой, так как я понимаю, что вы пережили стресс, и время уже позднее. Я вернусь к вам через несколько минут.

Те несколько шагов, что я сделал до выхода на балкон, сопровождало гробовое молчание. Зато с балкона доносили голоса ребят-криминалистов, которые как всегда быстро и сноровисто делали свое дело. Осмотревшись и перекинувшись с ними несколькими словами, я снова вернулся в гостиную и обвел взглядом присутствующих.

Все — и мужчины, и женщины — были молоды, одеты роскошно и ярко. Девушки, красивые и нежные, как цветы, скорее всего, тоже модели, смотрели настороженно. На лицах парней застыло недоуменное ожидание. Рыжеволосая знойная красотка с золотистым загаром пугливо жалась к своему спутнику. Брюнетка с красивым надменным лицом, сидела в кресле, картинно закинув ногу за ногу, и курила. Парень с мягкими курчавыми волосами и бородкой стоял позади ее кресла, скрестив руки на груди, вцепившись в меня взглядом. Совсем недавно их подруга, хозяйка этого роскошного дома, трагически погибла. И явственно потянуло прохладным и противным холодком смерти. Но присутствующие, казалось,

только слегка поежились, отряхнулись и застыли в ожидании. Смерть не трогала их, а была, скорее, чем-то вроде досадного неудобства. Об этом явно говорили их лица и позы.

Сзади легкой и проворной юношеской походкой подошел сержант Янг. Он, по-видимому, уже разобрался с музыкантами.

— Инспектор, отпечатки пальцев у присутствующих сняли, я записал их данные. Здесь все, кроме Дэвида Элленби, жениха погибшей, он еще в разгар вечеринки, около десяти вечера, уехал домой, сославшись на сильную головную боль. Но я уже дозвонился до него, он живет в Белгравии, должен с минуты на минуту быть здесь.

Он протянул мне лист с именами и адресами, написанными его аккуратным ученическим почерком.

— Обратите внимание — Карин Флетчер, сестра погибшей — понизив голос, добавил Вилли и повел глазами в сторону надменной брюнетки в кресле.

— А кто обнаружил тело?

— Фотограф Арчи Николс, парень с бородой. Мисс Дейли долго не было, и он вышел на балкон позвать ее. Естественно там он ее уже не нашел, и почти в то же мгновение услышал крик с улицы. Он посмотрел вниз и увидел тело. Тотчас же позвонил в полицию.

— Во сколько это было?

— Он смог назвать точное время, поскольку сразу посмотрел на часы — было пять минут двенадцатого.

— Спасибо, Янг. Побеседуй с ним более подробно и опроси других гостей — может кто-то заметил нечто необычное, услышал или увидел... Ну в общем ты сам знаешь. Когда здесь будет Дэвид Элленби, я сам с ним поговорю.

Я подошел к креслу. Карин Флетчер не изменила своей соблазнительно-красивой позы, а только подняла на меня острый взгляд, не вязавшийся с ее большими кукольными голубыми глазами.

— Мисс Флетчер, я хотел бы задать вам несколько вопросов. Где мы могли бы поговорить наедине?

Брюнетка поднялась медленно и грациозно, как избалованная хозяином кошка.

— Прошу за мной.

Думаю, любой мужчина последовал бы за ней на край света. Но я не просто мужчина, а инспектор криминальной полиции. И если ее стройная фигура и округлые бедра и будили во мне какой-то интерес, то лишь эстетический. Красивый человеческий экземпляр.

Мы прошли в соседнюю комнату, которая отделяла гостиную от спальни хозяйки. Это был

маленький уютный салон — с мягкими низкими диванами, пушистым белым ковром, в котором ноги просто утопали, разными восточными фигурками и безделушками. Еще там были телевизор и проигрыватель для пластинок последней модели с обширной коллекцией записей в маленьком резном шкафчике рядом. В общем, все для ленивого приятного отдыха. Никак не для беседы с инспектором полиции.

Карин и я расположились друг против друга на мягких диванах.

— Если хотите, можете курить, инспектор.

У нее был приятный низкий голос. Но глаза оставались насторожено-холодными.

— Спасибо, мисс Флетчер, но я не курю. Давайте начнем? Расскажите мне немного о вечеринке, как вела себя ваша сестра, ее жених, другие гости. В общем все, что вам запомнилось, и могло бы быть важным.

Карин села прямо. В ее позе угадывалось легкое напряжение и дискомфорт — и это общение, и все произошедшее было ей в тягость, и она с трудом могла это скрыть.

— Я не думаю, что моя сестра покончила с собой... Она была не таким человеком. С детства независимая и сильная, с железной хваткой, она всегда добивалась своего. И никакие трудности бы ее не остановили. Иногда мне казалось, что ее

вообще ничем не прорысь. И сломать ее невозможно. Такая железная дева ангельской красоты...

— Интересное сочетание... и редкое для женщины.

— Да... она вообще была редкий экземпляр, — губы Карин искривила горькая усмешка.

— Вы имеете в виду ее карьеру?

— Не только. Вы много знаете людей, которые получают от жизни абсолютно все, что хотят? Я лично знала только одного такого человека — мою сестру. Она, казалось, была создана для успеха и поклонения. Ей давалось все... Стоило ей, 17-летней желторотой девчонке, появиться в офисе модельного агентства — тогда им еще руководила покойная мачеха Дэвида Мери Элленби, как та сразу же буквально влюбилась в нее. И потом уже Дэвид не устоял перед ее чарами. И эту вечеринку он устроил в честь ее триумфального возвращения из Нью-Йорка. Вы, наверное, слышали о знаменитом американском фотохудожнике Дерриле Кларке? Хейвен была его любимой моделью и музой. После его выставки Нью-Йорк просто заболел Хейвен Дейли. Красота моей сестры завоевала еще и Америку. Крупнейшее модельное агентство восточного побережья США должно было подписать с ней миллионный

контракт в следующем месяце. Так что, как вы понимаете, инспектор, убивать себя ей было совершенно незачем.

— Понимаю, мисс Флетчер. И согласен с вами. Но тогда напрашивается другой вопрос — кто из присутствующих мог желать ее смерти? И главное, иметь возможность убить вашу сестру?

Карин опустила глаза и непроизвольно сжала лежащие на коленях руки.

— Даже не знаю, что вам сказать... Здесь почти все были приглашены самой Хейвен, и только нескольких приглашал Дэвид. Но не думаю, что среди них был кто-то, не любивший мою сестру настолько, чтобы убить...

Она замолчала и как будто задумалась. Потом подняла на меня свои лазурные глаза. Теперь они были спокойными, и даже стали теплее.

— Единственный человек, с которым у сестры были постоянные конфликты, это Амбер Чейз. Она тоже модель нашего агентства. И довольно успешная. Последнее время она стала даже создавать конкуренцию Хейвен, получала почти столько же заказов, среди которых встречались и очень знаковые, как например, ее контракт с косметической компанией Ярдли. А поскольку моя сестра привыкла быть вне конкуренции, абсолютным номером один, ее это злило. Думаю, она пыталась выжить Амбер, пользуясь своим

влиянием на Дэвида. А той, разумеется, это не нравилось, ведь она только-только почувствовала вкус успеха...

— И как они вели себя во время вечеринки?

— Старались не пересекаться... Но когда Дэвид ушел — у него разболелась голова — Хейвен вышла на балкон подышать... И я видела, как Амбер вскоре шмыгнула следом... Но очень быстро вернулась обратно, бледная и какая-то сама не своя.

В салон робко заглянул сержант Янг.

— Извините, инспектор, Дэвид Элленби здесь.

— Хорошо, Янг, я сейчас с ним поговорю. Спасибо, мисс Флетчер. Вы можете быть свободны.

Выходя, Карин столкнулась с молодым Элленби. Он посторонился, пропуская ее, и только потом подошел ко мне.

— Присаживайтесь, мистер Элленби. Я инспектор Эйвери. Извините, что пришлось вас потревожить. И примите мои соболезнования.

Парень машинально кивнул. Машинально сел. Его лицо было застывшим и непроницаемым. На меня он не смотрел. Казалось, он вглядывается в себя, в какие-то одному ему ведомые глубины. И только нервно сжатые кисти рук выдавали его душевное смятение. Руки были красивые, холеные, с тонкими длинными пальцами.

Дома он уже по-видимому успел переодеться. На нем были обычные джинсы и белый свитер под

горло. Но, рассматривая его, я подумал, что в любой, даже самой прозаической одежде он будет безусловно элегантен. Девид Элленби был высок, строен, хорошо сложен. И не просто красив — в нем чувствовалась порода. Мягкие светлые волосы, прическа по последней моде, закрывающая уши и шею, тонкие черты лица, небольшой по-мальчишески капризный рот и крупные голубые глаза, при этом темные брови и ресницы, еще один признак породы. И если учесть его положение в обществе и богатство, то Дэвида Элленби можно было с полной уверенностью назвать мечтой любой девушки. Аристократ, красив, как рок-звезда, до неприличия богат. Просто идеальный молодой человек!

— Простите, инспектор, но я не знаю, чем бы мог быть вам полезен... — его голос был низким, бархатным и очень приятным, особенно, конечно же, для женских ушей. — Меня не было здесь, когда Хейвен... погибла. И я теперь все время думаю, а не оставь я ее одну, может этого бы не произошло? У меня как назло разболелась голова, я выпил таблетку, но не помогло. Хейвен сама посоветовала мне поехать домой, сказала, что приедет ко мне, когда гости разойдутся... Она часто оставалась у меня... так было бы и сегодня, если бы не это все...

Он вздрогнул и закрыл лицо руками.

— Не стоит винить себя, мистер Элленби. Если у мисс Дейли были враги, желавшие ее смерти, они бы все равно довели свое дело до конца — не сейчас, так в другой раз.

Он первый раз взглянул на меня. Во взгляде было чистое, почти детское недоумение.

— Враги? Что вы инспектор... Здесь были только наши друзья...

— Выходит, что не только друзья, мистер Элленби. Потому что ваша невеста была убита.

— О Боже, — простонал Девид, обхватив голову руками. — Но кто мог... Верите, я ума не приложу... Голова раскалывается... Не могу это осознать... принять...

— Не буду вас больше мучить, мистер Элленби. Вы можете пока быть свободны. Еще раз примите мои соболезнования.

Он горько кивнул, с трудом поднялся, и как больной, слегка покачиваясь, вышел.

Когда отпустили последнего свидетеля, старший группы криминалистов опечатал квартиру, и можно было перевести дыхание, мы с Вилли Янгом спустились вниз и вышли в прохладную прозрачную ночь.

— Мне кое-что интересное удалось узнать у фотографа, Арчи Николса. Он, пожалуй, самый ценный свидетель... очень осведомленный и наблюдательный парень...

— Это у него профессиональное, Вилли, — улыбнулся я. И добавил:

— Так что он тебе поведал?

— Во-первых, сестра Хейвен, Карин Флетчер, мягко говоря, ее недолюбливала. У них были натянутые отношения. Карин завидовала Хейвен, ее стремительной славе. Ведь это она в свое время привела сестру в агентство, чтобы та тоже попробовала свои силы, как модель. Но не могла бы и подумать, что сестра ее полностью затмит и станет такой звездой.

— Да, Карин очень самолюбива, для нее это могло быть нестерпимо... Но зачем столько ждать? Можно было убить сестру-соперницу и раньше?

— Арчи видел, как за несколько минут до того, как все произошло, Карин вышла с балкона, где тогда отдыхала Хейвен...

— Она мне об этом не говорила. Но зато сказала, что последней на балкон к Хейвен выходила некая Амбер Чейз...

— Да, Арчи заметил ее. Она пробыла на балконе чуть дольше Карен и вышла, по его словам, подавленная и бледная, как будто слегка не в себе. И тогда Арчи решил пойти к Хейвен — не столько позвать ее обратно, сколько убедиться, что с ней все в порядке. Ну и увидел тело внизу...

— Нужно завтра обязательно вызвать на допрос эту Амбер Чейз, и сестру убитой пригласить тоже. мне кажется, она что-то недоговаривает...

— Кстати, инспектор, Амбер могла увидеть, что Хейвен упала с балкона, и потому вышла оттуда не в себе... У Карен тоже была возможность оглушить и сбросить сестру вниз...

— Поэтому нужно пригласить на допрос обеих. Там, где красивые женщины, всегда соперничество и ненависть. И в ненависти женщинам нет равных. Как и в любви. Потому что они целиком, с наслаждением отдаются как любви, так и ненависти. Ладно, слишком много философии на этот поздний час. Давай-ка, Вилли, подброшу тебя домой. Завтра у нас новый насыщенный день. Нужно попытаться отдохнуть.

2

В ту ночь мне так и не удалось заснуть — как я ни старался. Я ворочался, мешал спать жене и, в конце концов, поднялся и пошел на кухню сварить себе крепкого черного кофе. День предстоял трудный. И потому нужно иметь свежую голову. И как показывает мой многолетний опыт, нет лучшего средства избавиться от навязчивой сонливости и прояснить мозги, чем крепкий горький кофе и бодрящий холодный душ.